

МАРДЖИ ФЬЮСТОН

Ваннеры,
их
сердца
и другие
мертвые
вещи

Издательство АСТ
Москва

УДК821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4
Ф97

Margie Fuston
VAMPIRES, HEARTS & OTHER DEAD THINGS

Published by arrangement with No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Печатается с разрешения Margaret K McElderry Books, An imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division и литературного агентства Andrew Nurnberg

Иллюстрация на обложке *Дарьи Кинчиной*
Дизайн обложки *Елены Лазаревой*

Фьюстон, Марджи.

Ф97 Вампиры, их сердца и другие мертвые вещи / Марджи Фьюстон ; [перевод с английского В.Л. Коваленко]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Кровь и клыки).

ISBN 978-5-17-147810-0

Виктория и ее отец разделяют любовь к нежити с тех пор, как первый вампир рассказал о своем существовании в прямом эфире на телевидении. Общественный страх вскоре заставил вампиров снова скрываться, однако Виктория с отцом все еще мечтают их найти. Но когда у отца диагностируют неизлечимую болезнь, становится ясно, что этого не произойдет... Виктория поклялась себе, что найдет вампира, чтобы стать такой же и спасти отца.

Вооруженная исследованиями, домыслами и отчаянием — и с помощью своего бывшего лучшего друга Генри, — Виктория отправляется в Новый Орлеан в поисках чуда. Там она встречает Николаса, загадочного молодого человека, который может дать ей то, чего она так желает. Но сначала ему нужно, чтобы Виктория доказала, что любит жизнь настолько, чтобы жить вечно...

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4

All rights reserved.

Copyright © 2021, Margie Fuston

© Кинчина Д., иллюстрация на обложке

© Коваленко В., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-147810-0

Глава 1

Я не знаю, как жить в мире, который заставляет тебя делать такой выбор, который отнимает у тебя все. Я не вижу в этом смысла.

БАФФИ—
ИСТРЕБИТЕЛЬНИЦА
ВАМПИРОВ

«Будь сильной, как Баффи», — я мысленно повторяю эту мантру, глядя на яркие флуоресцентные лампы. Но все, о чем могу думать, — это эпизод, где умирает мама Баффи и на экране без конца показывают, как она лежит с широко раскрытыми глазами. Я пытаюсь представить, как бы после смерти выглядел папа. Он бы лежал с открытыми глазами или закрытыми?

Я прикусываю щеку изнутри. «Будь сильной, как Баффи».

С натянутой улыбкой перевожу взгляд на папу на тот случай, если он наблюдает за мной. Но он не смотрит на меня. Он опирается на подлокотник чересчур большого инвалидного кресла — единствен-

ного, которое стояло в вестибюле больницы. Папа всегда был высоким и худым, но теперь кажется, что на широком сиденье могли бы поместиться трое таких, как он.

Когда у него только обнаружили болезнь, больница предложила нам инвалидное кресло, оплаченное по страховке, чтобы мы могли отвезти папу домой, но тогда он покачал головой и улыбнулся. *«Нельзя показывать раку ни малейшей слабости»*, — сказал отец, подмигнув мне, и мы оба рассмеялись. Мама хотела взять кресло, но мы ее отговорили.

Сейчас никто не шутит.

Бумага, покрывающая смотровой стол, шуршит, когда я ерзаю, чтобы устроиться поудобнее. Моя левая нога омертвела. То есть онемела. Она не мертвая.

Мама переводит на меня взгляд холодных голубых глаз, и я замираю. Она хотела, чтобы я осталась дома, уверяла, что мое присутствие не понадобится. Не знаю, беспокоится она обо мне или о том, как мои эмоции могут повлиять на папу, но маме давно пора понять, что я могу скрывать свои чувства так же хорошо, как и она.

Папа ловит мой взгляд и проводит рукой по редким клочкам волос, которые химиотерапия у него еще не отобрала.

— Я все еще похож на графа Дракулу? — спрашивает он, и его губы растягиваются в подобии усмешки.

До рака у папы было круглое лицо, густые брови и черные волосы, которые он не по моде зачесывал назад, за что мама постоянно его дразнила. Но ему это нравилось. Он выглядел точь-в-точь как Бела Лугоши, хрестоматийный образ Дракулы. Мы

постоянно шутили, что папа — давно потерянный родственник Лугоши.

— Возможно, сейчас ты больше смахиваешь на Кристофера Ли.

Ли сыграл Дракулу после Лугоши, и его прическа была не такой великолепной.

Папа фыркает, звук получается мягким и слабым.

— Даже Джеральд сейчас выглядит лучше меня. И вообще, у меня больше общего с графом Орлоком. — Отец ухмыляется, по-настоящему ухмыляется. В уголках его глаз появляются морщинки, как бывает, когда он рассказывает шутку, над которой уже смеется, и ждет, что я оценю его чувство юмора.

Я смеюсь. Мы с папой — знатоки вампиров. Мы как минимум по десять раз смотрели все существующие фильмы о вампирах, сериалы и даже документалки. У нас принято шутить о нежити. Папа даже упомянул Джеральда. Я думала, он забыл, какой сегодня день, но, возможно, и нет. Конечно, ему не удалось приготовить поутру свои коронные вампирские блинчики с нарезанной клубникой в качестве кровавых кльков, но мы могли бы отпраздновать позже.

Я вглядываюсь в папино лицо в поисках каких-нибудь признаков того, что он помнит. Ничего.

Я понимаю, что все еще смеюсь, и умолкаю. На глазах слезы, и я даже не помню, как дала им волю.

Папа перестает смеяться вслед за мной. Его лицо расслабляется, а взгляд уплывает в сторону. Сейчас он часто так делает. Мне интересно, о чем он думает или, наоборот, пытается не думать, как иногда делаю я.

Мама по очереди смотрит на нас, словно совсем не понимает. Морщит лоб, глядя, как я вытираю

глаза, но ей не нужно беспокоиться. Я по-прежнему держу себя в руках.

Каково бы нам было без папы? Остались бы только я и мама — два человека, которые не понимают друг друга. Нас всегда связывало именно его присутствие. Иногда мама улыбается одной из банальных шуток отца или даже смеется над одной из моих, если он подталкивает ее к этому. Папа — тонкая нить между нами.

Я откидываю голову назад и снова моргаю от яркого света.

Дверь со щелчком открывается, и входит папин онколог. Он молод, выглядит как профессиональный теннисист, и это не перестает меня беспокоить. Когда я вижу его рядом с отцом, то ощущаю некую несправедливость. Мне нужен древний доктор, который должен был уйти на пенсию десять лет назад.

— Дэвид, как дела? — Врач пожимает папе руку, не дожидаясь ответа. Это такой нелепый вопрос. Весь мир знает, как у него дела.

Доктор пожимает мамину руку, а затем мою. По крайней мере, он милый. Он всегда замечает мое присутствие и признает, что я — взрослая и могу справиться со всем, что он вываливает на нас... в отличие от мамы, которая всегда смотрит так, как будто ждет, что я сломаюсь.

Врач подтягивает к себе стул на колесиках.

— Химиотерапия перестала действовать, — сообщает он. Никакой вступительной речи, никакого разглядывания бумаг, перед тем как заговорить, никакого вздоха перед плохими новостями. Он сразу выкладывает информацию, не оставляя нам времени собраться с силами.

Молчание затягивается, и если его никто не нарушит, то, возможно, мы сможем остаться в этом

момента навсегда и отказаться признать то, что сказал доктор. Но тут мама кивает, и сказанное становится реальностью. Мои родители держатся за руки, переплетая пальцы, как влюбленные старшеклассники.

Мое предательское сердце ускоряется, бьется быстрее, чем кажется возможным. Адреналин заполняет меня, требуя, чтобы я боролась, но с чем? Я делаю вдох за вдохом, успокаивая свое тело, приказывая ему не бояться. Папа все еще здесь. Он прямо передо мной. Ничто не кончено, пока все не закончится. Так папа меня учил.

Я качаю головой, но никто этого не замечает.

— Каков следующий шаг? — спрашиваю я.

Все поворачиваются ко мне. Мамины глаза пу-сты, но на щеке дергается мышца, и мама не может выдержать моего взгляда. По папиным глазам читать труднее. В них таится печаль, но также и облегчение. Облегчение убивает меня. Как папа может испытывать это чувство?! Неужели он не понимает, что это будет означать для нас?! Мы никогда не сможем попутешествовать вместе, как планировали, — посетить места, где снимались наши любимые фильмы, или места, где зародились мифы о вампирах. Мы больше не будем ходить на полуночные показы новых фильмов о вампирах. Мы не будем после этого пить шоколадные коктейли в круглосуточной закуской «У Дэнни» и рассуждать, насколько точно образ вампира в этом фильме соответствует общепринятым знаниям о вампирах. Я не буду делать все это без папы. Не буду! Он должен это осознать. Я ловлю его взгляд, и папа едва заметно кивает мне. Он все понимает, но выглядит таким усталым. Как человек, который больше не может бороться, независимо от того,

сколько он потеряет, если капитулирует. В глазах щиплет, и я больше не могу смотреть на него.

Я поворачиваюсь к доктору, который сохраняет спокойное, терпеливое выражение лица.

— Больше тут ничего не поделать, — отвечает он.

— А как насчет проведения клинических испытаний? — спрашиваю я.

Врач медленно качает головой.

— Болезнь прогрессировала, на данной стадии для нас это невозможно.

Его «для нас» выводит меня из себя. Отнюдь не «мы с ним» проходим через это. Сегодня вечером он отправится домой и поиграет в теннис, или посидит перед телевизором с пивом, или поцелует свою хорошенькую супругу. Он не видит боли, которую испытывает мой отец круглыми сутками, каждый день. Он не имеет к «нам» отношения.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь подавить страх, постепенно заполняющий пустоту где-то в районе живота. Папа еще не умер. Я без конца мысленно повторяю эти четыре слова.

— Сколько осталось? — спрашивает мама.

— Месяц. Может, меньше.

Если бы рак поджелудочной железы был вампиром, это был бы не холеный Лестат¹ и определенно не сверкающий на солнце Эдвард. Нет, это была бы орда вампиров из фильма «30 дней ночи» — безжалостная, кровавая, способная стереть целый город с лица земли.

Хотя нет, даже это сравнение не подходит. Рак настолько безжалостен, что даже самые жестокие

¹ Центральный персонаж серии романов Энн Райс «Вампирские хроники», вампир.

из вампиров не могут с ним сравниться. Рак не торопится. По крайней мере, горожане из фильма «30 дней ночи» умерли быстро: несколько мгновений ужаса, а потом — бум, ничего. Такая смерть наверняка лучше. Любая смерть лучше, чем смерть от рака.

Двести сорок шесть дней — и отсчет продолжается.

— У вас есть ко мне вопросы?

«Почему?» Это слово снова и снова прокручивается у меня в голове. Но на этот вопрос никто никогда не отвечает. Даже Бог, а ведь папа говорит, что у Бога есть ответы на все вопросы. Я уверена, что доктор тоже не сможет дать мне ответ.

Папа пожимает руку доктора и благодарит его. Я не совсем понимаю, за что папа так благодарен врачу, но он всегда такой — умеет найти повод для благодарности там, где для меня это кажется невозможным. Раньше меня это восхищало, но теперь хочется схватить папу за плечи и трясти до тех пор, пока он не признает, что сейчас нам не за что быть благодарными.

Я выкатываю папу из больницы в инвалидном кресле, стараясь не наткнуться на острые углы, но он не раз ударяется ногами, и мама просит меня быть осторожнее. Папа, кажется, ничего не замечает.

По возвращении домой отец устраивается там, где теперь проводит большую часть времени: на больничной койке, установленной в спальне для гостей. Папа утверждал, что мамин храп не дает ему спать по ночам, и мы смеялись над этим, но я знаю, что он сделал это ради нее. В последнее время он часто стонет во сне — наверное, не хотел, чтобы мама слышала. На мой взгляд, ей следовало

бы немного поспорить с папой по этому поводу, но мама просто отпустила его.

Она слишком легко все отпускает.

Уложив папу на койку, она сразу же дает ему капли морфина: никогда не забывает проследить, чтобы он принял дозу лекарства. Мама заботится о папе с эффективностью хорошо запрограммированного робота, но сегодня она сбавляет обороты и укрывает его до подбородка моим старым одеялом с изображением героев мультфильма «101 далматинец». Папа считает его самым удобным одеялом в доме. Мама порывалась выбросить это одеяло как минимум дюжину раз, но папа не позволял ей.

Мать кладет руку на выцветшее изображение одного из щенков и наклоняется, прикасаясь губами к папиному лбу.

Я смотрю в телевизор невидящим взглядом. Обычно мама так не поступает. Значит, что-то изменилось.

— Анна, — тихо зовет папа, когда мама отстраняется от него, — ты хочешь поговорить об этом?

Мама слегка откидывается назад, как будто готова рухнуть ему на грудь от малейшего толчка.

Желудок сжимается, и я мысленно начинаю перечислять все фильмы о Дракуле от самых старых до самых новых. Я не могу наблюдать, как моя мать дает слабину. Она никогда не поддается эмоциям, и если сейчас потеряет самообладание, реальность неумолимо обрушится на нас. Но в то же время я не могу выйти из комнаты, иначе это будет моим признанием того, что все происходит на самом деле.

Но мама делает глубокий вдох и выпрямляет спину.

— Я в порядке, любовь моя. — Она пальцами сжимает одеяло, а затем отстраняется. Твердый взгляд встречается с моим, и мама кивает. Значит, мы по-прежнему вместе противостояем этому. Ничего не изменилось. Мы не собираемся сворачиваться в рыдающие клубки горя, пока папа еще здесь.

Мама уходит, и я не даю папе шанса спросить меня, хочу ли я поговорить.

— Ты хочешь спать? — спрашиваю я.

Он качает головой, хотя уже клюет носом.

— Отосплюсь, когда...

Папа умолкает на середине фразы, но я знаю, что он хотел сказать. *«Отосплюсь, когда буду на том свете»*. Раньше он спал по шесть часов в сутки и все равно по утрам был самым веселым человеком в доме, с бьющей через край энергией жарил бекон или яйца и переворачивал черничные блинчики. В ранние годы я считала папу вампиром, потому что никогда не видела его спящим. Подрастая, я продолжала спрашивать, уверен ли папа, что не является нежитью, и он усмехался, приподнимая кустистую бровь в классическом взгляде Дракулы. Я смеялась так сильно, что капли апельсинового сока стекали по подбородку, Джессика закатывала глаза, а мама вздыхала. Но на лице мамы, пока она ела свою яичницу-болтунью, мелькал намек на улыбку.

Папа не вампир. Если бы он был нежитью, то все еще мог бы шутить о смерти. Я бы хотела, чтобы он произнес эти слова, чтобы мы могли посмеяться, как будто это ничего не значит.

Но все невысказанное между нами занимает слишком большое пространство в этой слишком маленькой комнате.

Я сглатываю, беру пульт от телевизора и нажимаю на кнопки, переключая программы. По каждому каналу показывают какой-то специальный выпуск, связанный с вампирами.

Сегодня десятая годовщина того дня, когда Джеральд Дюран объявил миру, что он настоящий вампир. И я не имею в виду одного из тех пьющих кровь людей. Я имею в виду бессмертное порождение ночи.

Джеральд был невысоким и худым, с жидкими черными волосами, которые спадали на впалые щеки, когда он не заправлял их за уши. Его одежда была разномастной — современные брюки, парчовый жилет с выцветшей золотой вышивкой, пожелтевшая белая рубашка с оборками на шее и запястьях — коллекция предметов из разных эпох, без особого внимания к тому, как они сочетаются. Но, несмотря на все это, он держался как принц, когда сидел в кресле напротив Лестера Холта и застенчиво улыбался в ответ на вопрос, скольких людей убил. Он сказал, что количество не имеет значения — важно то, что он не убивает их в настоящее время и что вампирам давно пора открыто и мирно жить с людьми.

Папа, Джессика и я неделями безотрывно сидели перед телевизором, наблюдая за всем происходящим с открытыми ртами и игнорируя протесты мамы, что мы слишком молоды для этой чуши. Ничто не могло оторвать нас от просмотра, потому что все мы в этом доме уже *давно* стали заядлыми любителями вампиров... за исключением мамы, которой никогда не нравилось то, что она считала вымыслом. Папа всегда был одержим вампирами, и в его кабинете висели постеры классиче-

ских фильмов с Белой Лугоши¹ в различных угрожающих позах, обычно со сведенными бровями или рукой на шее женщины. Мы с Джессикой прокрадывались внутрь и глазели на них, иногда придумывая истории в продолжение увиденного. Ей больше всего нравилось изображение Лугоши с вытянутыми руками, как будто он мог дотянуться и схватить тебя. Мне всегда казалось, что на этом снимке он выглядит забавно, а не страшно. Однако моим любимым был постер к фильму *«Пропавшие ребята»*. Мне нравилось, как Дэвид ухмылялся мне, словно таил какой-то секрет. Я хотела узнать его тайну.

Когда были маленькими, мы умоляли папу позволить нам посмотреть эти фильмы с ним, и иногда он показывал нам какой-нибудь отрывок — но большую часть времени нам оставалось довольствоваться мультфильмом *«Маленький вампир»*.

Я хотела, чтобы вампиры были настоящими, поэтому Джеральд меня не пугал. Я была ребенком, который уже верил в призраков, фей и невозможные вещи, поэтому он вызывал во мне лишь восхищение. Мир был таким, каким я всегда его себе представляла: огромным и полным возможностей.

Но не все так думали. Большинство людей считали, что Джеральд устроил тщательно продуманный розыгрыш. Но потом он вонзил нож себе в грудь в прямом эфире, и весь мир наблюдал, как заживала рана. Все хотели встретиться с ним и задать вопросы, хотя он никогда не давал прямых ответов. Вслед за ним в прессу обратилось и не-

¹ Актер театра, кино, телевидения и радио. Стал известен в том числе после исполнения роли графа Дракулы в одноименном фильме 1931 года.